

эти служат ответом на вторую записку, которую прочитаю я вам: «В пространстве носится идея воссоединения философии с жизнью. Все яснее и яснее она улавливается отдельными индивидуумами и настоятельно требует своего воплощения. Вы яснее других воспринимаете эту идею, т. к. уже имеете возможность [говорить?] о ней, отсюда вытекает обязанность взять на себя руководство желающими на деле соединить в одно нераздельное целое «софию» и «жизнь»». Я должен протестовать против мысли записки, будто я яснее воспринимаю идею соединения философии с жизнью; идея, подобная этой, является идеалом моих устремлений; я, в меру моих ограниченных сил, ищу почвы конкретного осуществления этой идеи. И первое, на что натываюсь: для осуществления во мне мне нужна связь с другими исканиями, с другими путями, сопараллельными мне; в этом смысле я верю, что автор записки — мне брат по пути; при ближайшем общении может он дать, вероятно, мне столько же, сколько я могу дать ему; руководство наше — не руководство в обычном значении слова; мы, члены Совета, мы можем подчас становиться руководителями курсов, кружков. Другое дело руководство во внутреннем смысле. Это руководство заключается лишь [в] извлечении многообразия откликов в душах, в стремлении гармонизировать жизнь этих откликов так, чтоб они, не превращались в хаос, составили б дружный аккорд: аккорд душ. Но в этой огромной задаче нам, руководителям, не хватает, конечно, гармонизации наших собственных личностей, углублений самосознания и работы над развитием нашего душевного зрения. Поэтому цели наши двояки: быть органом соединения душ, привлеченных вопросами жизни, здесь выставленными; и постоянно прислушиваться к собственным звукам души, чтобы звуки души соединились с вопросом, поставленным здесь в гармоничном созвучии; руководство — только в стремлении к созвучию. Но вот третья записка гласит о технике гармонизации: «Полагаете ли вы возможным объяснение всего происходящего или космоса в гармонии «разума и чувства»?» Это есть проблема о том, как раздвоенность самосознания нашего превратить в его цельность. Если технически углубиться в проблему, увидим: ряды путей занимались технически и абстрактно проблемою погружения ума в сердце; вопрос предполагает другие вопросы; ответить конкретно сегодня на них не имею возможности я; остается мне высказать пожелание, чтобы эти вопросы вошли в поле зрения наших заданий, «вольфильских» заданий; это есть ряд вопросов о том, как себя ввести в космос; если бы мы пришли к конкретному пониманию гармонизации чувства с умом, если бы ясно осуществили гармонизацию эту, то выявилась бы перед нами наука, которая ныне еще находится *in statu nascendi**: наука о духе; многие отрицают самую возможность ее; я ее убежденный сторонник.

Заканчивая ответное слово, хочу я сказать в заключение, что опыт публичного собеседования о нашей Вольфиле есть опыт вынесения нашего «сора из избы»; этот сор мы бросаем, как в хаос, вам в души, чтоб хаос вопросов, затронутых здесь и возникших в сознании вашем, процвел бы гармонией луга: цветами и жизнью; и вот букет целей сложили бы мы из созревших ответов, расцветших из хаоса: в вашей душе.

Думаю, что этим желанием я могу заключить свое слово и объявить заседание закрытым.

Печатается по изданию:

Вопросы философии. 1996. № 10. С. 115–122 (в составе публикации В.Г. Белоуса).

* В состоянии зарождения (лат.).

КРУШЕНИЕ ГУМАНИЗМА

Понятием *гуманизм* привыкли мы обозначать прежде всего то мощное движение, которое на исходе Средних веков охватило сначала Италию, а потом и всю Европу, и лозунгом которого был *человек* — свободная человеческая личность. Таким образом, основной и изначальный признак гуманизма — *индивидуализм*.

Четыре столетия подряд — с половины XIV до половины XVIII века — образованное общество средней Европы развивалось под знаком этого движения; в его потоке наука была неразрывно связана с искусством, и человек был верен духу музыки. Этим духом были проникнуты как великие научные открытия и политические течения, так и отдельные личности того времени.

Стилем движения был стиль Ренессанса, перешедший затем в стиль барокко — в тот стиль, который в XIX столетии принято было считать упадочным (признак забвения новейших гуманистов о своем великом прошлом) и который только в наше время переоценен и считается стилем, соответствующим периодам искусства, клонящегося к старости.

Чьи имена связаны в нашем сознании с понятием гуманизма? — Прежде всего имена Петрарки, Боккаччо, Пико де ла Мирандола; вслед за ними — имена Эразма, Рейхлина, Гуттена. Позже и менее резко возникают в нашем сознании имена французских и английских гуманистов: Монтеня или Томаса Мора; во Франции и Англии движение гуманизма не было самостоятельным.

Имена великих гуманистов возникают в нашем сознании как бы в сопровождении музыкального аккомпанемента. Мы сознаем, что все эти люди — художники, артисты, хотя многие из них не были художниками и артистами по ремеслу. Каждая из этих громадных фигур представляется нам символом и может быть представлена художником символически. Под картиной, изображающей сцены итальянского Ренессанса, мы прочтем без удивления имя Боккаччо. Нас не удивит, если в заглавии поэмы, посвященной изображению германской реформации, мы увидим одно короткое имя: Ульрих фон Гуттен. До такой степени певучи, проникнуты духом музыки — самые имена этих людей.

Движение, исходной точкой и конечной целью которого была человеческая личность, могло расти и развиваться до тех пор, пока личность была главным двигателем европейской культуры. Мы знаем, что первые гуманисты, создатели независимой науки, светской философии, литературы, искусства и школы, относились с открытым презрением к грубой и невежественной толпе. Можно хулить их за это с точки зрения христианской этики, но они были и в этом верны духу музыки, так как массы в те времена не были движущей культурной силой, их голос в оркестре мировой истории не был преобладающим. Естественно однако, что, когда на арене европейской истории появилась новая движущая сила — не личность, а масса, — наступил кризис гуманизма.

Начало этого кризиса следует искать, по-видимому, в движении реформации. Разразился же он накануне XIX века. В Великой Революции Европа услышала новые для себя песни. С тех пор Франция стала очагом тех движений, которые получали свое истинное истолкование, по-видимому, вне ее пределов. Более юные, чем она, средняя и восточная Европа использовали уроки ее революций, кажется, в гораздо большей мере, чем она сама.

Германские *буря* и *натиск* отмечены двумя необычайными фигурами. Если бы я был художником, я никогда не представил бы Шиллера и Гете — братски пожимаю-